

Михал А. Глушковски (Торунь, Польша)

**Территориальная разновидность говора
польских старообрядцев
(На примере избранных идиолектов сувальского
и августовского регионов)**

1. Характеристика общины польских старообрядцев

Старообрядцы, проживающие в Польше в настоящее время сосредоточены в трех центрах поселения: августовском, сувальском и мазурском. Община в мазурском регионе после Второй мировой войны значительно уменьшилась и в настоящее время составляет группу около 40–50 человек. Данная статья опирается на материалы, собранные участниками очередных научных экспедиций, организованных сотрудниками, аспирантами и студентами Института славянской филологии Университета Николая Коперника в Торунь в 1999–2007 гг. Так как исследования проводились практически только в августовском и сувальском регионах¹ (Подляшское воеводство), в статье не затрагивается вопрос языковой ситуации старообрядцев Мазурского центра.

Первый, Августовский регион – это город Августов, деревни Габовы-Гронды и Бур, почти полностью старообрядческие, а также деревни Близна и Новинка, в которых проживают единичные старообрядческие семьи. В августовском регионе жизнь религиозно-этнического меньшинства сосредоточена в деревнях Габовы-Гронды и Бур. Там же находится молельня. В обеих деревнях насчитывается около 150 старообрядцев. Число же старообрядцев, проживающих в городе Августове, трудно точно определить из-за их почти полного включения в польскую общественность. Общее количество представителей общины Августова превышает количество тех, кто живет „по-старообрядчески” – соблюдает традиции

¹ Оба главных центра поселения старообрядцев часто определяются как одно целое – сувальско-августовский регион, что подчеркивает отличие языковой ситуации и исторических событий этих групп от мазурских старообрядцев.

и посты, принимает участие в службах в моленной, а в общении использует свой традиционный говор. Жителей города Августова и близлежащих деревень, Близны и Новинки, поддерживающих относительно тесные связи с молельней и общиной в Габовы-Грондах, можно считать членами одной коммуникативной общины.

К сувальскому региону кроме города Сувалки следует отнести деревни Водзилки, Голны Вольмера, Буда Руска, Плоично, Липина, Щебра и Шуры, где проживают единичные семьи старообрядцев. Центром региона является город, где находится молельня и административные структуры старообрядцев. Старообрядцы сувальского региона, кроме деревни Водзилки (в настоящее время лишь 5 семей), перемешаны с польским населением, что отчасти отличает их ситуацию от ситуации августовского региона. Информанты, с которыми встречались участники научных экспедиций Университета Николая Коперника, во многих случаях активно принимают участие в религиозной жизни меньшинства, а также употребляют русский говор в семейном общении. Однако явления, которое в августовском регионе можно назвать коммуникативной общиной, здесь не существует.

2. Исследования языка старообрядцев в Польше

Языковая ситуация старообрядцев в деревнях Габовы-Гронды и Бур, а также в городе Августов была объектом научных наблюдений с 1999 года. Результатом исследований являются многие магистерские работы, научные статьи, доклады, а также защищенные и готовящиеся к защите кандидатские диссертации. Исследования сувальского региона пока не столь обширны. Однако анализ собранных материалов, дает возможность выдвинуть некоторые гипотезы и попытаться сопоставить ситуацию обоих старообрядческих центров.

В польской научной литературе вопрос языка польских старообрядцев ранее обсуждался И. Грек-Пабис, И. Марыняк и А. Зелиньской. В настоящее время в связи с разнообразными цивилизационными, экономическими и социальными изменениями создалась иная языковая ситуация, что требует проведения новых, современных исследований.

Наши исследования сосредоточились на идиолектах информантов, проживающих в Сувальском и Августовском регионах. Предметом анализа в настоящей статье является языковой, социолингвистический и эколингвистический материал. Под эколингвистическим материалом, вслед за Э. Хаугеном и В. Высочанским, будем понимать внешние, то есть социальные, экономические, административные и исторические условия, оказывающие влияние на языковую ситуацию описываемой общины [Wysockański 1999: 64–65].

3. Разновидности языка польских старообрядцев

На основании собранного до сих пор языкового материала (записей речи старообрядцев на магнитных и цифровых носителях), можно выдвинуть гипотезу, что в настоящее время в Подляшском воеводстве существуют два территориальных варианта русского говора польских старообрядцев: сувальский и августовский.

Сходства и различия языка двух старообрядческих центров будут представлены нами на примере идиолектов и особенностей поведения отдельных языковых личностей, которые тесно связаны с конкретным групповым целым.

И в августовском, и в сувальском регионе старообрядцы в большинстве своем двуязычны. Однако их билингвизм характеризуется большой неоднородностью, даже в пределах одного региона.

3.1. Различия между языком трех поколений

Для старшего поколения (лиц, родившихся до 1945 года) русский диалект является первичным кодом, польскому языку они научились в школе. Языком повседневного общения для них был русский говор, поскольку в своем большинстве они жили в деревне, занимались сельским хозяйством. Польский язык был им необходим лишь для общения с внешним миром. Конечно, это упрощённая модель билингвизма старшего поколения. Есть и исключения: например, жители городов Августов и Суwalkи были вынуждены намного чаще общаться с польским населением.

В обоих регионах на характер двуязычия среднего поколения (лиц, родившихся приблизительно в 1946–1970 годах) сильно влияют социально-экономические факторы, прежде всего профессия и место жительства. Старообрядцы, живущие в деревне и работающие в своих единоличных хозяйствах, представляют тип билингвизма, близкий старшему поколению. Работа в городе, образование и место жительства вне общины приближают среднее поколение к младшему. Представители среднего поколения говорят по-польски не только с поляками, но и со своими детьми, чтобы облегчить им обучение в польской школе. Чаще всего представители среднего поколения говорят с детьми на обоих языках.

У молодёжи и детей была возможность усвоить оба кода параллельно, общаясь с родителями на польском языке и на русском диалекте. Их контакты с поляками и польскими учреждениями намного интенсивнее, чем у их родителей, а также дедушек и бабушек. Их жизнь практически всегда связана в большей степени со школой, а потом с работой в городе, чем с местной старообрядческой общиной. Это, естественно, отражается на их языковом поведении. Если о двуязычии старших старообрядцев можно говорить как об амбилингвизме, т.е. полном двуязычии, в котором

индивид владеет в равной степени обоими своими языками², то использование одного из языков средним, а особенно младшим поколением, продиктовано жизненной и коммуникативной необходимостью. Причём в данном случае вытесняется не польский язык, функционирующий практически во всех сферах жизни, а русский говор.

3.2. Территориальная разновидность

Особенности языка старообрядцев обусловлены не только возрастными, но и территориальными факторами. Наблюдаются различия в языке жителей августовского и сувальского регионов. Русский диалект в обоих центрах подвергается влиянию польского языка, вследствие чего возникает явление интерференции на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. У. Вайнрайх считал, что изменения в языке двуязычной группы происходят по другим правилам, нежели изменения в речи билингвальных индивидов [Weinreich 1963: 83]. Различия в идиолектах жителей города Сувалки и его окрестностей и жителей августовского региона подтверждают тезис У. Вайнрайха. По предварительным сопоставительным наблюдениям, оказывается, что многие проявления интерференции в речи жителей дер. Габовы-Гронды и Бур становятся новой, постоянно меняющейся, но тем не менее укрепляющейся нормой формирующегося русско-польского языкового гибрида. Старообрядцы, живущие в обеих деревнях, а также в Августове, постоянно общаются со своими единоверцами, в то время как старообрядцы сувальского региона живут среди поляков или находятся в изоляции.

Мы заметили, что в сувальском центре традиционный говор сохранили лишь немногие информанты, а их идиолекты характеризуются большим разнообразием. У единичных индивидов и небольших групп большинство проявлений интерференции исчезает, в то время как при повседневном контакте в рамках относительно большой группы (в Габовы-Грондах и Буре проживает ок. 150 жителей, в Августове – ок. 200), изменения закрепляются. Аналогичные явления не наблюдались нами в Сувалках и деревнях, где живут представители старообрядческой общины.

4. Анализ языкового материала

К 2008 г. нами был изучен язык 82 старообрядцев, проживающих в августовском районе. Конечно, речь не всех информантов исследовалась с одинаковой интенсивностью: одни информанты согласились только участвовать в опросе или провести краткий разговор, контакты с другими

² Дефиниция за М. А. К. Халлидай [Halliday 1968: 141].

позволили записать от 30 минут до двадцати часов разнообразного языкового материала. То, каков этот материал, в значительной мере зависело от информантов, поскольку методология собирания материала была нацелена на свободные высказывания, монологи старообрядцев, практически без участия исследователя. Поэтому в анализе общей суммы интерференции не следует уделять большого внимания на тот факт, что слово *k'er'ofca*, заимствованное из польского языка присутствует в речи 6 информантов, а *śf'etl''ica* – у 17 информантов. В данном случае следует сосредоточиться на макролингвистическом характере явления, т.е. относящемся ко всем жителям первого или второго региона. В случае слов *śf'etl''ica* и *k'er'ofca*, изменяющихся по русской парадигме склонения, играют роль не конкретные заимствования – здесь важно само общее явление адаптации (фонетической, морфологической) заимствований и частотность его проявления в речи данной группы информантов. Таким образом, в соответствии с выводами У. Вайнрайха, общение двуязычных индивидов в рамках двуязычной группы, может усиливать явление интерференции и вести к возникновению новой нормы (смешанного языка) [Weinreich 1963: 83; 104–106]. Именно таким образом у старообрядцев августовского региона интерференция на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях усиливается вследствие частых контактов внутри группы³. Вышеуказанные положения подтверждаются примерами из конкретных идиолектов, характерными для каждого из поколений жителей дер. Габовы-Гронды, Бур и г. Августов. В связи с этим рассмотрим несколько примеров.

4.1. Идиолекты жителей августовского региона

Ж1926⁴ – живет в Августове, но родилась и воспитывалась в Габовы-Грондах, работала по хозяйству. Происходит из полностью старообрядческой семьи. Она вдова, муж был старообрядцем, дочери также не меняли своей веры, хотя одна вышла замуж за католика, а вторая – за православного. Информантка является глубоковерующей старообрядкой. Ж1926 хорошо читает книги на церковнославянском языке, долгие годы пела на клиросе, теперь, по состоянию здоровья, не может принимать участия в службе в молельне в Габовых Грондах. В общении с семьёй и единоверцами употребляет только русский говор. Польский язык Ж1926 выучила в школе (6 классов), но до сих пор говорит на нем без значительных ошибок (заметны немногочисленные заимствования и кальки из русского диалекта). Адаптированные заимствования из польского языка, которые наблюдались в её речи, иногда свойственны только нашей информантке (не встречаются у других информантов). Причиной этого, по нашему мнению,

³ Классификация Вайнрайха с 1953 г. [там же: 64–65].

⁴ В символе информанта закодирован пол и год рождения.

являются большое количество и разнообразие записей (19 часов в течение 7 лет). Большинство заимствований, которые встречаются в речи этой информантки, наблюдаются у других жителей Августова и его окрестностей, например: *nar 'ekać* (у 5 других информантов из всех поколений), *zd'olnyj* (у 3), *suk'enka* (у 8).

М1956 – живет в Габовы-Грондах, работает в городе, работал также за границей. Отец был католик, мать – старообрядка, дома говорили на обоих языках. Женат, его жена старообрядка, детей воспитывают по-старообрядчески. С семьёй и соседями говорит по-русски (по-своему, на диалекте). Из-за места работы его идиолект подвержен интенсивному влиянию польского. Но этому фактору противодействует сильное чувство старообрядческой идентичности и вероисповедание. Русская речь информанта практически не отличается от речи представителей его поколения, хотя его лексические ресурсы шире словарного запаса сверстников. У М1956 наблюдаются польский консонантизм и заимствования из польского языка. На польском языке он говорит без ошибок.

Ж1985 – жила в Габовых Грондах. Мать католичка, отец – старообрядец. Ее муж – старообрядец, сына воспитывает по-старообрядчески. Польский язык и русский говор усваивала параллельно, дома и в общении с соседями употребляла диалект, только с младшим братом и матерью говорила по-польски. Два года тому назад Ж1985 с семьёй выехала из Польши. До отъезда ее диалект отличался богатством лексики и бóльшим, чем у сверстников, количеством адаптированных заимствований. Молодые люди, которые не настолько сильно осознают свою старообрядческую идентичность, менее ревностно относятся к чистоте говора и поэтому чаще употребляют вставки – неадаптированные заимствования и переключают код на польский. Типичной для образа жизни молодого поколения является внутренняя и зарубежная миграция, всё чаще встречаются смешанные семьи.

4.2. Идиолекты жителей сувальского региона

Ситуация в сувальском регионе более сложная. Безусловно, особенно среди представителей старшего и среднего поколения есть люди, которые сохранили русский говор и употребляют его в семейном общении, но из-за включения в польскую городскую культуру многие забывают язык предков. Однако те, кто сохраняет традиционный язык, более трепетно относятся не только к языку, но и к вере, к традициям. Интерференция в их речи не закрепляется в такой степени, как у жителей августовского региона, а их речь фонетически ближе к севернорусскому источнику, чем у августовских старообрядцев. Следует здесь заметить, что исследования актуальной языковой ситуации старообрядцев сувальского региона еще находятся в стадии разработки, а их результаты пока неполны. Однако

если в Августове и его окрестностях можно говорить об одной модели двуязычия (учитывая различия между поколениями), то в сувальском регионе наблюдается состояние, либо близкое к амбилингвизму (особенно это характерно для представителей старшего и среднего поколения), либо прослеживается процесс такого языкового сдвига, когда русский диалект вытесняется польским языком.

М1942, живущий в деревне Водзилки, воспитывался в старообрядческой семье, в которой употреблялся только русский говор. Женат на старообрядке, детей и внуков воспитывали по-старообрядчески. М1942 всю жизнь работал по хозяйству. На русском диалекте говорит с женой и в контактах с единоверцами. Консонантная система его говора близка к польской системе, чем у самых пожилых старообрядцев сувальского региона, но всё-таки, ещё не достигла еще той степени полонизации, как в августовском регионе. Из-за недостаточного количества собранного материала в данный момент еще рано однозначно сказать, являются ли проявления интерференции в речи этого информанта его идиолектными особенностями. Но имеющийся сегодня материал позволяет предположить, что это так.

Ж1948, проживающая в городе Сувалки, происходит из старообрядческой семьи, замужняя. Муж старообрядец, дома говорят на диалекте. И она и её муж учились русскому литературному языку, влияние которого на говор заметно до такой степени, что трудно выделить основной базис их русского кода. Они с уважением относятся к вере, языку и традициям. Из-за идиолектных особенностей и относительно редких контактов с единоверцами, интерференция в их языке не может влиять на язык других старообрядцев сувальского региона.

Пока в сувальском регионе нам не удалось найти представителя молодого поколения, владеющего на должном уровне говором, хотя бы по сравнению со сверстниками из окрестностей Августова. Молодёжь подвергается ассимиляции с польским окружением по разным причинам: они происходят из смешанных семей, живут далеко от других старообрядцев, а также подвергаются влиянию городского окружения, способствующего ассимиляции с его культурой и языком.

4.3. Сопоставление идиолектов из обоих регионов

Приведенные примеры конкретных идиолектов обоих регионов выбраны из довольно большого количества информантов и основаны не только на социолингвистических данных, но прежде всего – на анализе зафиксированного языкового материала. Однако различия между идиолектами старообрядцев из сувальского и августовского регионов лучше всего иллюстрирует сопоставление двух сходных языковых биографий. Первый случай относится к М1949, происходящему из небольшой деревни близ

города Сувалки. В деревне, кроме семьи информанта были только два старообрядческих дома, а остальную часть населения составляли поляки – католики. Несмотря на это в доме информанта основным средством коммуникации был русский говор. После окончания основной школы М1949 учился дальше в городе, где стал работать. Закончив среднюю школу продолжал образование на высшем уровне. Как в вузе, так и на работе, он имел контакт с общим вариантом русского языка, который вытеснил традиционный говор из его идиолекта. После смерти родителей информант относительно редко встречался с говорящими на диалекте родственниками, а в городе жил и работал в польском языковом окружении. По его мнению, говор не заслуживал особого внимания, потому что он усматривает связь своей конфессии не с конкретным вариантом языка, а с участием в религиозной жизни общины, соблюдением постов и традиционных культурных обычаев, а также с уважением к традиции. В настоящее время он уже не в состоянии говорить на диалекте, тем более нельзя сравнивать проявления интерференции в его русских высказываниях с изменениями, которым подвергается традиционный диалект старообрядцев из окрестностей Августова.

Биография М1957, происходящего из дер. Габовы-Гронды, во многом напоминает вышеописанные жизненные пути. М1957 тоже покинул родную деревню, чтобы продолжать образование и после окончания средней школы, а потом также вуза, поселился в городе. Он жил в польском окружении, а на работе часто пользовался общерусским языком. Одновременно у него был постоянный контакт с говором, так как отпуск он обычно проводил в родной деревне. Как и М1949, говора он особо не ценит, хотя чувствует себя старообрядцем и принимает участие в религиозной и общественной активности группы. Однако из-за постоянного контакта с говором, на котором М1957 разговаривает с родственниками и соседями в Габовы-Грондах, общерусский язык не вытеснил диалект предков из его идиолекта. Информант способен различать говор и общий вариант русского языка, а интерференция в его русских высказываниях обусловлена используемым в данный момент стилем. Когда информант говорит на диалекте, в его речи появляются те же архаические диалектные формы, а также заимствования и кальки, которые наблюдаются и у других членов коммуникативной общины августовского региона.

Исследования, проводимые параллельно в обоих регионах, должны, по нашему мнению, подтвердить выдвинутую здесь гипотезу о территориальных различиях говора польских старообрядцев, характеризующегося общностью интерференции в языке жителей августовского региона (изменяющийся говор становится новой нормой) и индивидуальным характером идиолектов сувальского региона.

Michał A. Głuszkowski (Toruń, Polska)

**Terytorialna różnorodność gwary polskich staroobrzędowców
regionu suwalsko-augustowskiego
(na przykładzie wybranych idiolektów)**

Staroobrzędowcy zamieszkują w Polsce w trzech ośrodkach, ale tylko dwa z nich stanowią stosunkowo duże skupiska: region suwalski i region augustowski. Na podstawie dotychczasowych badań można przypuszczać, że oba regiony różnią się od siebie pod względem zakresu i charakteru interferencji. Niedaleko Augustowa leżą dwie sąsiadujące ze sobą homogeniczne staroobrzędowe wioski, które stanowią centrum życia wspólnoty. Ich mieszkańcy posługują się tradycyjnym rosyjskim dialektem w sferze kontaktów *face-to-face*, co zgodnie z założeniami Weinreicha sprawia, że indywidualne cechy ich zachowań językowych nawzajem się niwelują, natomiast umacniają się zachowania determinowane społecznie. W regionie suwalskim nie ma analogicznej wspólnoty komunikatywnej, opierającej się na rosyjskiej gwarze. Życie staroobrzędowców w regionie skupia się wokół miasta Suwałki, a wspólnoty wiejskie są zbyt małe, by zapewnić przetrwanie dialektowi, albo zamieszkuje je głównie polska większość. Opierając się na przykładach kilku idiolektów, autor ilustruje tezę mówiącą, że dwujęzyczność i interferencja w mowie staroobrzędowców z regionu suwalskiego ma zdecydowanie bardziej indywidualny charakter, niż u ich współwyznawców żyjących w okolicach Augustowa.

Michał A. Głuszkowski (Toruń, Polska)

**Territorial Variety of Polish Old Believers' Dialect
(on the Example of Chosen Idiolects
of the Suwałki-Augustów Region)**

The Old Believers in Poland live in three centres, but only two of them constitute considerably large communities: the Suwałki region and Augustów region. The results of the hitherto carried investigations suggest that there are territorial differences between the shape of interference in both regions. There are two neighbouring homogenous Old Believer villages near Augustów, which are the life centre of this community. People use the traditional Russian dialect in the face-to-face domain, which, according to Weinreich, makes the idiosyncrasies in individual linguistic behaviour cancel each other, and develop socially determined speech habits. There is no speech community based on the Old Believer dialect in the Suwałki region. The Old Believer life concentrates in the town of

Suwałki, and the village communities are too small to preserve the dialect, or are inhabited mostly by the Polish majority. On the example of several idiolects, the author illustrates the thesis that the bilingualism and interference of the Old Believers from the Suwałki region are much more individual than their coreligionists living in the surroundings of Augustów.